

Дэшил Хэммет

Большой налет

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-312.4
ББК 84-4

Дэшил Хэммет

Большой налет / Дэшил Хэммет – М.: Книга по Требованию, 2011. – 38 с.

ISBN 978-5-4241-2759-5

Первая книга из блестящей дилогии о гангстерах в которых изобретательно действует герой-одиночка, неутомимый борец с преступностью - опер из детективного агентства "Континенталь".

ISBN 978-5-4241-2759-5

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Дэшил Хэммет
Большой налет

Пэдди Мексиканца я нашел в шалмане Лароя. Пэдди, симпатичный аферист, с виду — король Испании, оскалил в улыбке все свои крупные белые зубы, толкнул ко мне ногой стул и сказал сидевшей напротив девушке:

— Нелли, познакомься с самым благородным сычом в Сан-Франциско. Этот дядя сделает для тебя все на свете — лишь бы закатать тебя потом на пожизненное. — И, повернувшись ко мне, показал на девушку сигарой: — Нелли Уэйд, и ей ты ничего не воткнешь. Ей работать ни к чему, у нее отец — бутлеггер.

Нелли: тоненькая девушка в голубом; кожа белая, глаза продолговатые, зеленые; короткие каштановые волосы. Ее хмурое лицо ожило и похорошело, когда она протянула мне через стул руку, и мы оба посмеялись над Пэдди.

— Пять лет? — спросила она.

— Шесть, — поправил я.

— Черт, — сказал Пэдди, ухмыляясь и подзывая официанта. — Когда же я обмануть одного легавого?

До сих пор он обманывал всех — он ни разу не ночевал в тюрьме. Прейс Кардиган разделя до нитки пятерых молодых людей в Филадельфии. Мы с Даном Мори поймали ее, но потерпевшие не захотели давать показания, и ее выпустили. Девчонке шел тогда двадцатый год, но она была уже ловкой мошеницей.

Посреди зала одна из артисток Лароя запела: «Скажи, чего ты хочешь, и я скажу, чего я дам.» Пэдди долил джину в стаканы с имбирным сиропом, принесенные официантами. Мы выпили, и я дал Пэдди клочок бумаги, где были карандашом написаны фамилия и адрес.

— Горячка-Мейкер просил передать, — объяснил я. — Вчера его видел на Фолсомской даче. А это будто бы его мать, просил тебя заглянуть к ней — не нужно ли ей чего. Как я понимаю, это значит, что ты должен отдать ей его долю с последнего вашего дела.

— Ты меня обижаешь, — сказал Пэдди, пряча бумажку и снова извлекая из-под стола бутылку джина.

Я опрокинул второй стакан и подобрал уже ноги, налаживаясь домой. В это время с улицы вошли четверо новых посетителей. Узнав одного, я остался сидеть. Он был высок, строен и наряжен во все, что полагается иметь на себе хорошо одетому человеку. Остроглазый, остролицый, с тонкими, как лезвия, губами и остроконечными усиками — Бритва Вэнс. Я удивился: что он делает в пяти тысячах километров от своих нью-йоркских охотничьих угодий? Пока я дивился, я повернулся к нему затылком, сделав вид, будто слушаю певицу, которая пела теперь посетителям: «Стать бы мне бродягой». За ней, в углу, я заметил другую знакомую личность из другого города — Фарта Джима Хакера, круглого и румяного детройтского бандита, дважды приговоренного к смерти и дважды помилованного.

Когда я снова принял нормальную позу, Бритва Вэнс и трое его товарищей уже расположились за два стола от нас. Он сидел ко мне спиной. Я оглядел его соседей.

Напротив Вэнса сидел молодой великан, рыжий, голубоглазый, румяный, с красивым — на свирепый и грубый манер — лицом. Слева помещалась смуглая девушка с бегающими глазами, в понурой шляпке. Она беседовала с Вэнсом.

Внимание рыжего гиганта было приковано к четвертой персоне. Она того заслуживала.

Она не была ни высокой, ни низкой, ни худой, ни пухлой. На ней была черная косоворотка с зеленой вышивкой и серебряными штучками. На спинке ее стула висело черное манто. Лет около двадцати. Глаза у нее были синие, рот алый, зубы белые, локоны, видневшиеся из-под черно-зелено-серебряной шляпки, — темно-каштановые; и был у нее носик. Словом, если не воспаляться из-за деталей, она была миленькая. Так я и сказал. Пэдди Мексиканец согласился: «Ничего»; а Анжела Грейс предложила мне подойти и сказать О'Лири, что она мне нравится.

— О'Лири — это большой? — спросил я, сползая на стуле так, чтобы протянуть ногу между Пэдди и Анжелой. А кто его красивая подруга?

— Энси Риган, а та — Сильвия Янт.

— А принц, спиной к нам?

Под столом ботинок Пэдди вместо ее ноги ударил по моей.

— Не пинай меня, Пэдди, — взмолился я. — Больше не буду. Впрочем, хватит мне сидеть здесь, зарабатывать синяки. Домой пора.

Я попрощался и пошел к двери, держась к Бритве Вэнсу спиной. В дверях мне пришлось уступить дорогу двум новым гостям. Оба меня знали, но оба прошли индифферентно — Еврей Холмс (другой, не тот ветеран, который устроил налет в Мус-Джоу в веселые старые дни) и Дэнни Берк, Король Лягушачьего острова в Балтиморе. Славная парочка — обоим в голову не придет отнять чужую жизнь без гарантированной выручки и политического прикрытия.

Я направился к Керни-стрит, думая на ходу о том, что сегодня вечером притон Лароя полон воров и почему так много среди них выдающихся гастролеров. Тень в подъезде нарушила мою умственную работу. Тень сказала:

— Тсс!

Я остановился и стал разглядывать тень, пока не признал в ней Бино, кокаиниста-газетчика, который, случалось, подкармливал меня сведениями — когда верными, когда нет.

— Спать хочу, — проворчал я, — а байку про заику-мормона я слышал, так что, если ты насчет этого, скажу сразу, и я пошел.

— Не знаю я ни про каких мормонов, — возразил он. — Но кое-что знаю.

— Ну?

— «Ну» — это легче всего сказать, а я хочу знать, что я с этого имею.

— Найди подъезд почице и вздремни, — посоветовал я. — Ты поправишься, когда проспишься.

— Нет! Послушайте, я правда знаю. Честно! Слушайте! — Он придвинулся, зашептал: — Готовится дело в национальном банке Симена. Какое дело, не знаю, но это точно. Это не брехня. Честно! Назвать никого не могу. Вы же знаете, я сказал бы, если знал. Честно. Дайте десятку. Ведь за такое не дорого. Сведения верные — честно.

— Верные — из понюшки.

— Не, не, не! Честно, я...

— Так какое же будет дело?

— Я не знаю. Я слышал только, что Симена возьмут. Не...

— Где слышал?

Бино затряс головой. Я сунул ему в руку серебряный доллар.

— Понюхай еще и придумай остальное, — сказал я ему. — Получится интересно — добавлю до десятки.

Я шел к углу, ломая голову над рассказом Бино. Сам по себе он смахивал на то, чем, возможно, и был — басней, придуманной, чтобы выманить доллар у доверчивого легаша. Но он существовал не сам по себе. Притон Лароя — а в городе он был не один такой — ломился от публики, опасной для жизни и имущества. Тут стоило пораскинуть мозгами — тем более что компания, застраховавшая национальный банк Симена, была клиентом сыскного агентства «Континентал».

За углом, пройдя десяток шагов по Керни-стрит, я остановился.

На улице, где я только что был, грохнуло два раза — выстрелы крупнокалиберного пистолета. Я повернул обратно. За углом я увидел на тротуаре кучку людей. Молодой армянин, пижонского вида, малый лет девятнадцати-двадцати, прошел навстречу — лениво, руки в карманах, настытывая: «У Сью разбито сердце».

Я присоединился к кучке — превратившейся уже в толпу — вокруг Бино. Бино был мертв — кровь из двух дыр в груди пачкала смявшиеся под ним газеты.

Я вернулся к Ларою и заглянул туда. Рыжего О'Лири, Бритвы Вэнса, Нэнси Риган, Сильвии Янт, Пэдди Мексиканца, Анжелы Грейс, Деэнни Берка, Еврея Холмса, Фарта Джима Хакера — никого из них не было.

Возвратившись к Бино, я постоял там, прислонясь к стене, и посмотрел, как приехала полиция, поспрашивала зевак, ничего не выяснила, свидетелей не нашла и отбыла, захватив с собой то, что осталось от газетчика.

Я пошел домой спать.

Утром я просидел час в архиве агентства, копаясь в папках и в нашей картинной галерее. На Рыжего О'Лири, Деэнни Берка, Нэнси Риган и Сильвию Янт у нас ничего не было насчет Пэдди Мексиканца — только догадки. Не было заведено и дел на Анжелу Грейс, Бритву Вэнса, Еврея Холмса и Джима Хакера, но их фотографии имелись. В десять — час открытия банка — я отправился в национальный банк Симена, имея при себе эти снимки и рассказ Бино.

Сан-францисское отделение сыскного агентства «Континентал» помещается в конторском здании на Маркет-стрит. Национальный банк Симена занимает нижний этаж высокого серого дома на Монтгомери-стрит, в финансовом центре города. В другое время — поскольку даже семь кварталов пройти без нужды считаю излишним — я сел бы в трамвай. Но на Монтгомери-стрит была какая-то пробка, и я отправился пешком, по Гранд-авеню.

Через несколько кварталов я ощутил, что в том районе, куда я иду, не все ладно. Во-первых, звуки: шум, треск и как будто взрывы. У Саттер-стрит мне встретился человек, который держался обеими руками за лицо, со стоном пытаясь вправить вывихнутую челюсть. Щека у него была ободрана в кровь.

Я свернулся на Саттер-стрит. Затор — до самой Монтгомери. Всюду бежали взволнованные люди без шляп. Взрывы слышались ближе. Машина, набитая полицейскими, обогнала меня на предельной скорости, какая была сейчас доступна. Проехала «скорая помощь», звеня колоколом, забирая по тротуару там, где движение было гуще. Керни-стрит я пересек рысью. По другой стороне бежали двое патрульных. У одного в руке пистолет. Выстрелы впереди слились в барабанную дробь.

Свернув на Монтгомери, я увидел впереди несколько зевак. Мостовая была запруженна грузовиками, такси, открытыми машинами — брошенными. Следующий квартал, от Буш-до Пайн-стрит, был — пекло в праздник.

Праздничное настроение было выше всего в середине квартала, где стояли через улицу национальный банк Симена и трест-компания «Золотые ворота».

В следующие шесть часов у меня было больше дел, чем у блохи на пуделе.

К концу дня я прервал охоту и пошел в агентство потолковать со Стариком. Он уютно сидел в кресле, смотрел в окно и постукивал по столу своим неизменным желтым карандашом.

Этот высокий дородный человек на восьмом десятке, с белыми усами, младенчески-розовым лицом, кроткими глазами, в очках без оправы — начальник мой, и душевности в нем — как в веревке палача. Пятьдесят лет сыска в «Континентале» высосали из него все, кроме мозгов и этой улыбчатой вежливой кожуры, всегда одинаковой — плохо ли идут дела, хорошо ли — и одинаково ничего не значащей в обоих случаях. Мы, подчиненные, гордились его хладнокровием. Мы хвастались, что он может плеваться сосульками в июле, и между собой звали его Понтием Пилатом — за вежливую улыбку, с которой он посыпал нас на убийственные задания.

Когда я вошел, он отвернулся от окна, кивнул мне на кресло и разгладил карандашом усы. Вечерние газеты на его столе на все голоса заливались об ограблении национального банка и компании «Золотые ворота».

— Какова обстановка? — спросил он, как спрашивают о погоде.

— Обстановка-люкс, — сказал я. — Полтораста воров вышли на операцию — если таковая была. Сотню я видел сам — если это не сон, и многих не видел — рассаженных там, откуда можно высокочить и укусить, когда понадобятся свежие зубы. И они кусали. Они устроили полицейским засаду и дали им прикурить — не один раз. На банки напали ровно в десять, захватили весь квартал, благоразумных выгнали, остальных уложили. Сама выемка — пара пустяков для банды такого размера. По двадцать — тридцать человек на банк, пока остальные держали улицу. Всех дел — завернуть добычу да отвезти домой.

Сейчас там идет собрание разъяренных бизнесменов: акционеры встали на дыбы и требуют голову начальника полиции. Полиция чудес не творила, это факт, но ни одна полиция не справится с работой таких масштабов — как бы хорошо она о себе ни думала. Все длилось меньше двадцати минут. Полтораста, скажем, бандитов, вооруженных до зубов, и каждый их шаг расписан до сантиметра. Где вы возьмете столько полицейских, как оцените обстановку, спланируете бой и развернете его в такое короткое время? Легко сказать, что полиция должна заглядывать вперед, быть готовой к любой неожиданности — но те же умники, которые кричат сейчас «Подлость!», первыми заверещат «Грабеж!», если к их налогам накинут цент-другой на покупку лишних полисменов и снаряжения.

Тем не менее полиция осрамилась, это ясно, — не один мясистый загривок ляжет под топор. Броневики ничего не дали, игра гранатами закончилась один — один, поскольку бандиты тоже умели в нее играть. Но главным позором были полицейские пулеметы. Банкиры и маклеры говорят, что было вредительство. Нарочно их испортили или хранили небрежно — Бог их знает, но работала только одна из этих спринцовок, и то неважно.

Отвал был по Монтгомери и Колумбус-стрит. На Колумбус процесия раста-

яла — по несколько машин в переулок. Между Вашингтон — и Джексон-стрит полицейские попали в засаду, и пока они пробивались, машины с бандитами успели рассеяться по всему городу, многие из них уже найдены — пустыми.

Полного отчета еще нет, пока что картина складывается такая. Сорвано Бог знает сколько миллионов — без сомнения, самая большая добыча, захваченная гражданским оружием. Шестнадцать полицейских убито и втрое больше ранено, двенадцать посторонних зрителей, банковских служащих и так далее погибли, и примерно стольким же сильно досталось. Тяжело ранены два бандита и пять неизвестных — возможно, воры, возможно, зрители, подошедшие слишком близко. Налетчики потеряли семь человек убитыми и тридцать один задержан —нейшей частью подранки.

Среди убитых — Пузырь Кларк. Помните его? Это он три или четыре года назад сбежал, отстреливаясь, из зала суда в Де-Мойне. Так вот, в кармане у него мы нашли листок: карту Монтгомери-стрит от Пайн до Буш — место ограбления. На обороте карты напечатаны точные предписания, что ему делать и когда, крестиком на карте показано место, где он должен поставить машину, на которой приедет со своими семью людьми; кружком — где он должен с ними стоять, следя за ходом событий в общем и за окнами и крышами на другой стороне — в частности. Цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 на карте обозначены подъезды, лестницы, ниши, которые должны служить укрытием, если придется вести перестрелку с этими окнами и крышами. Кларк не должен обращать внимания на Буш-стрит, но если полиция нападет со стороны Пайн-стрит, он бросает своих людей туда и расставляет их в точках a, b, c, d, e, f, g (его тело найдено в точке a). В течение налета, каждые пять минут, он посыпает человека к машине, которая стоит на месте, отмеченном звездочкой, — за новыми распоряжениями, если таковые будут. Он должен сказать своим людям, что, если его подстрелят, один из них докладывает об этом штабной машине, и к ним направляют нового начальника. Когда дадут сигнал уходить, он должен послать одного человека за машиной, на которой они прибыли. Если машина исправна, она едет к ним, не обгоняя впереди идущей. Если она не заводится, человек идет к штабной за указаниями, где достать новую. Тут они, видимо, рассчитывают на чужие машины, оставленные на улице. Дожидаясь транспорта, Кларк со своими людьми поливает свинцом каждую цель в его секторе, и ни один из них не лезет в машину, пока она с ними не поравняется. Затем они едут по Монтгомери, по Колумбус и — испаряются.

— Понятно? — спросил я. — Полтораста налетчиков разбиты на отряды — с командирами, картами, схемами, где показано, что делать каждому: за каким пожарным краном присесть, на какой кирпич поставить ногу, куда плюнуть — все, кроме фамилии и адреса полицейского, которого надо свалить. Невелика беда, что Бино не рассказал мне подробностей — я все равно счел бы их бредом наркомана.

— Очень интересно, — произнес Старик с вежливой улыбкой.

— Других расписаний, кроме Кларкова, мы не нашли. Я видел несколько друзей среди убитых и пойманных, и полиция еще пытается опознать остальных. Часть из них — местные дарования, но больше, кажется, привозного товара. Детройт, Чи, Нью-Йорк, Сент-Луис, Денвер, Портленд, Лос-Анджелес, Филадельфия, Балтимор — все прислали делегатов. Как только полиция покончит с опознанием, я составлю список.

Из тех, кого не поймали, самая важная птица, по-моему, — Вэнс. Он был в машине, которая командовала налетом. Кто еще там сидел — не знаю. На празднествах присутствовал Дрожащий Мальчик и, кажется, Азбука Маккой, хотя его я толком не разглядел. Сержант Бендер сказал мне, что видел Цыпу Сальду и Котелка Маклоклина, а Морген заметил Такого-Сякого. Это хороший поперечный разрез компании — арапы, стопщики, мокрушники со всей страны.

Дворец юстиции сегодня больше похож на бойню. Никого из гостей полиция не убила, насколько я знаю, но кожа на них будет отваливаться. Журналистам, которые любят порыдать о том, что у них называется третьей степенью, стоило бы туда заглянуть. После хорошей бани кое-кто из гостей заговорил. Но в том-то и чертовщина, что всего они не знают. Они знают некоторые имена: Дэнни Берк, Фрей Тоби, Старик Пит Бест, Пузырь Кларк и Пэлди Мексиканец названы — но все лошадиные силы полиции не выбьют из них больше ничего.

Дело, по-видимому, было организовано так: Дэнни Берк, к примеру, широко известен как военный артист в Балтиморе. Теперь этот Дэнни беседует с восемью или десятью подходящими ребятами — по очереди. «Как ты смотришь на то, чтобы подзаработать на Западном побережье?» — спрашивает он. «А делать что?» — интересуется кандидат. «Делать что тебе скажут, — отвечает ему Король Лягушачьего острова. — Ты меня знаешь. Я тебе говорю: дело жирное, дело верное, раз — и ваших нет. Все, кто пойдет, вернутся богатыми — и вернутся все, если не будут мух считать. Больше я ничего не говорю, а не подходит — разговора у нас не было».

Все эти субчики знают Дэнни, и, если он сказал, что дело верное, им этого довольно. И они соглашаются. Он им ничего не объясняет. Он велит им взять пистолеты, каждому выдает двадцать долларов и билет до Сан-Франциско и договаривается о месте встречи. Вчера вечером он их собрал и сказал, что налет будет утром. Они уже поболтались по городу и знают, что тут полно гастролеров, среди прочих — такие молодцы, как Цыпа Сальда, Бритва Вэнс и Дрожащий Мальчик. И утром во главе с Королем Лягушачьего острова отправляются на дело.

Остальные расколовшиеся изобразили примерно такую же картину. Несмотря на тесноту в тюрьме, полиция нашла свободные места и запустила на-седок. Бандиты в большинстве друг с другом не знакомы, работать наездкам было легко, но единственное, что они сообщили нового, — арестованные сегодня ночью ожидают оптового освобождения. По-видимому, думают, что банда нападет на тюрьму и выпустит их. Скорее всего, это сказки, но, так или иначе, полиция теперь приготовилась.

Таково положение на этот час. Полиция прочесывает улицы и забирает всех небритых и всех, у кого нет справки от приходского священника о посещении церкви, — с особым вниманием к отбывающим поездам, пароходам и автомобилям. Я послал Джека Конихана и Дика Фоули на Северный берег — поболтаться по кабакам, послушать, о чем там говорят.

— Как вы полагаете, задумал операцию и руководил ею Бритва Вэнс? — спросил Старик.

— Надеюсь... мы его знаем.

Старик повернулся в кресле, посмотрел кроткими глазами в окно и задумчиво постучал по столу карандашом.

— Боюсь, что нет, — возразил он, как бы извиняясь. — Вэнс — хитрый, находчивый и решительный преступник, но у него есть слабость, общая для людей этого типа. Его стихия — непосредственное действие... не планирование. Он провел несколько крупных налетов, но мне всегда мерещился за ними еще чей-то ум.

Я не мог с ним препираться. Если Стариk говорил, что дело обстоит так, то так оно скорее всего и обстояло; он был из тех осмотрительных, которые увидят ливень за окном и скажут: «Кажется, дождик пошел», чтобы не ошибиться: а вдруг кто-то льет воду с крыши.

— И кто же этот архиум? — спросил я.

— Вероятно, вы это узнаете раньше меня, — сказал он с милостивой улыбкой.

Я вернулся в суд и помогал варить арестованных в масле часов до восьми — когда голод напомнил мне, что я не ел с утра. Я исправил эту оплошность, а потом отправился к Ларою — не спеша, чтобы ходьба не мешала пищеварению. У Лароя я провел три четверти часа и никого особенно интересного не увидел. Кое-кто из посетителей был мне знаком, но они не выразили желания общаться — в преступном мире точить лясы с сыщиком сразу после дела не полезно для здоровья.

Ничего тут не добившись, я перешел к Итальянцу Хили — в соседний притон. Приняли меня так же — дали столик и оставили одного. Оркестру Хили играл «Не обманывай» и те, кому хотелось размяться, упражнялись на площадке. Среди танцоров я увидел Джека Конихана, руки его были заняты крупной смуглой девицей с приятным, грубо вылепленным лицом.

Джек, высокий стройный парень двадцати трех или двадцати четырех лет, прибыл к нашему агентству месяц назад. Эта служба была у него первой, да и ее бы не было, но отец Джека решил, что если сынок хочет погреть руки в семейной кассе, то должен расстаться с мыслью, будто продравшись через университет, он натруился уже на всю жизнь. И Джек поступил в «Континентал». Он решил, что сыск — забавное дело. Правда, он скорее схватил бы не того человека, чем надел бы не тот галстук, но, в общем, обнаружил неплохие задатки ищейки. Симпатичный малый, вполне мускулистый, несмотря на худобу, с приглаженными волосами, лицом джентльмена и повадками джентльмена, смелый, скорый на руку и с быстрым умом, бесшабашно веселый — впрочем, это по причине молодости. Конечно, в голове у него гулял ветер, и его надо было окорачивать, но в работе я предпочел бы его многим нашим ветеранам.

Прошло полчаса, ничего интересного.

Потом с улицы вошел парень — невысокий, развязный, в очень отутюженных брюках, очень начищенных ботинках, с наглым землисто-смуглым лицом характерного склада. Это он попался мне навстречу на Бродвее после того, как пришли Бино.

Откинувшись на стуле, чтобы широкополая дамская шляпа заслонила от него мое лицо, я увидел, как молодой армянин прошел между столиков в дальний угол, где сидели трое мужчин. Он что-то небрежно сказал им — с десяток слов, наверное, — и перешел к другому столику, где сидел в одиночестве курносый брюнет. Он усился напротив курносого, бросил ему несколько слов, с ухмылкой ответил на его вопросы и заказал выпивку. Опорожнив стакан, пошел через весь зал — сообщить что-то худому человеку с ястребиным лицом — и удалился из ресто-

рана. Я вышел следом, миновав столик, где сидел со своей девушкой Джек, и переглянулся с ним. Молодой армянин отошел уже на полквартала. Джек нагнал меня, обогнал. С сигаретой в зубах я его окликнул: «Огоныку не найдется?»

Я взял у него коробок и, прикуривая, шепнул между ладоней:

— Вон пижон идет — на хвост ему. Я за тобой. Я его не знаю, но если он вчера убил Бино за разговор со мной, он меня узнает. Ходу!

Джек сунул спички в карман и пошел за парнем. Я выждал и отправился за ним. А потом случилась интересная вещь.

На улице было много народа, в большинстве мужчины — кто гулял, кто околачивался перед кафе с прохладительными напитками. Когда молодой армянин подошел к углу освещенного переулка, оттуда появились двое и заговорили с ним, встав так, что он оказался между ними. Он, видимо, не хотел их слушать и пошел бы дальше, но один преградил ему путь рукой. А другой вынул из кармана правую руку и махнул перед лицом армянина — на ней блеснул никелированный кастет. Парень нырнул под вооруженную руку и под руку-шлагбаум и пересек переулок, даже не оглянувшись на двоих, хотя они его нагоняли.

Перед тем, как они его нагнали, их самих нагнал еще один человек, которого я раньше не видел, — с широкой спиной и длинными руками, похожий на гориллу. Одной рукой он схватил за шею одного, другой — другого. Он отдернул их от парня, встряхнул так, что с них попадали шляпки, и стукнул головами — раздался треск, как будто сломалась палка от метлы, и он уволок обмякшие тела в переулок, с глаз долой. Армянин тем временем бодро шагал дальше и ни разу не оглянулся.

Когда головолом вышел из переулка, я увидел под фонарем его лицо — смуглое, с глубокими складками, широкое и плоское; желваки на челюстях торчали так, как будто у него под ушами нарывало. Он плонул, поддернул штаны и двинулся по улице за парнем.

Тот зашел к Ларою. Головолом за ним следом. Парень вышел — за ним шагах в семи следовал головолом. Джек проводил их в кабак, а я ждал на улице.

— Все еще передает донесения? — спросил я.

— Да. Говорил там с пятью людьми. А ничего у него охраны.

— Ага, — согласился я. — И ты уж постараися не попасть между ними. Если разделятся, я — за гориллой, ты — за пижоном.

Мы разошлись и продолжали двигаться за клиентами. Они провели нас по всем заведениям Сан-Франциско — по кабаре, закусочным, бильярдным, пивным, ночлежкам, игорным домам и Бог знает чему еще. И всюду парень находил кому бросить десяток слов, а между визитами ухитрялся сделать это на перекрестках.

Я бы с удовольствием проследил кое за кем из его абонентов, но не хотел оставлять Джека одного с парнем и телохранителем: тут пахло чем-то важным. И Джека не мог пустить за кем-либо другим — мне не стоило наступать молодому армянину на пятки. И мы доигрывали игру так, как начали, — следя за нашей парочкой от притона к притону. А ночь между тем перевалила через середину.

Было начало первого, когда они вышли из маленькой гостиницы на Керн-стрит и впервые на наших глазах пошли вместе, бок о бок, к Грин-стрит, а там свернули на восток, по склону Телеграф-Хилл. Еще полквартала — и они поднялись по ступенькам ветхих меблирашек, скрылись за дверью. Я подошел к